

УДК 327

МРНТИ 11.25.91

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.64.2.010>

РОЛЬ ЯПОНИИ В QUAD: ОТ ИНИЦИАТОРА К АРХИТЕКТОРУ

*Абизова М.И.¹

^{*1} Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье анализируется роль Японии в создании и эволюции Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) с 2004 года. В условиях обострения американо-китайского соперничества QUAD превратился в один из центральных минилатеральных форматов Индо-Тихоокеанского региона. В большинстве существующих работ Япония рассматривается лишь как один из четырех участников объединения, а систематический анализ японского стратегического лидерства на протяжении всех фаз эволюции формата остается незавершенным.

Целью исследования является реконструкция японской роли на каждой из трех фаз развития QUAD (1.0, 2.0, 3.0) и обоснование характеристики Японии как стратегического архитектора регионального порядка.

Научная значимость работы состоит в уточнении представлений о возможностях средних держав в формировании региональных институтов безопасности. Практическая значимость связана с применимостью выводов к анализу Индо-Тихоокеанских стратегий великих и средних держав и прогнозированию развития минилатеральных форматов.

Методологическую основу исследования составляют кейс-стади, историко-генетический метод и периодизация, метод процессуального отслеживания (process tracing), сравнительный анализ, контент-анализ.

Основные результаты показывают, что Япония последовательно выполняла качественно различные, но взаимосвязанные функции в QUAD: концептуального инициатора (2004-2008 годы), стратегического архитектора, использовавшего инструмент «тактического хеджирования» (2012-2020 годы), и соинституционализатора расширенной невоенной повестки (с 2021 года).

Ценность проведенного исследования заключается в синтезе теоретических рамок – реализма и конструктивизма, а также в анализе новейших англоязычных, русскоязычных и китаеязычных публикаций.

Практическое значение итогов работы определяется возможностью их использования при подготовке аналитических и образовательных материалов по проблемам безопасности Индо-Тихоокеанского региона и стратегиям средних держав.

Ключевые слова: Япония, QUAD, Индо-Тихоокеанский регион, FOIP, тактическое хеджирование, минилатерализм, региональный порядок, США, Китай

Введение

Обострение стратегического соперничества Соединенных Штатов Америки и Китая превратило Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) в центральную арену современной мировой политики. Одним из наиболее заметных институциональных последствий этого сдвига стало возрождение и ускоренная институционализация Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), куда входят четыре государства – США, Япония, Индия и Австралия. За два десятилетия формат прошел путь от ситуативной координации гуманитарных операций после цунами в Индийском океане в декабре 2004 года до саммитов лидеров, а также разветвленной системы рабочих групп, которые охватывают здравоохранение, новые технологии, инфраструктуру, климат, киберпространство и космос. Вопрос о том, кто являлся движущей силой этой эволюции, остается недостаточно ясным.

QUAD нередко воспринимается как преимущественно американский проект по сдерживанию Китая. Подобное восприятие упускает из виду закономерность того, что ключевые концептуальные и нормативные предложения по развитию

«Четверки» исходили из Токио. Именно японские «Дуга свободы и процветания», «Слияние двух морей», «Демократический алмаз безопасности Азии» и стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP) образовали каркас, на котором впоследствии выстраивалась политика США и их партнеров. Анализ японской роли имеет значение не только для понимания самого диалога, но и для более широкой теоретической дискуссии о способности средних держав формировать архитектуру региональной безопасности в условиях конкуренции великих держав.

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, с 2021 года QUAD переживает наиболее прогрессивную фазу институционализации. Формат был повышен до уровня лидеров, расширяется его невоенная повестка, а само объединение все чаще рассматривается в качестве одного из важных элементов формирующейся Индо-Тихоокеанской архитектуры. Во-вторых, происходит постепенная трансформация японской политики в области обороны. Стратегические документы 2022 года и расширение расходов на оборону до 2% от ВВП ознаменуют отход Токио от прежней модели сдержанности [1]. Это требует переосмысления японской роли в региональных институтах безопасности. В-третьих, опыт Японии – конституционно ограниченной средней державы, которая последовательно направляла эволюцию формата – представляет интерес для государств, которые находятся в зоне соприкосновения интересов великих держав, включая страны Центральной Азии и Казахстан.

Целью исследования является систематическая реконструкция роли Японии на всех трех фазах эволюции QUAD (1.0; 2.0; 3.0), а также

обоснование роли Японии как стратегического архитектора данного формата, а не только как одного из равноправных участников.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, проследить генезис «Четверки» и установить вклад японских концептуальных инициатив в создание QUAD 1.0 (2004-2008 гг.); во-вторых, выявить инструменты, которые обеспечили возрождение на фазе QUAD 2.0 (2012-2020 гг.); в-третьих, определить функции Японии во время фазы институционализации и расширения повестки – QUAD 3.0 (с 2021 г.); в-четвертых, интерпретировать полученные результаты через призму реализма и конструктивизма.

Объектом исследования выступает Четырехсторонний диалог по безопасности как минилатеральный или небольшой институт формирующейся архитектуры безопасности ИТР. Предметом исследования являются стратегия, концептуальные инициативы и инструменты Японии, которые обеспечили создание, возрождение и последовательную институционализацию QUAD.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, данное исследование можно отнести к числу первых попыток в казахстанском научном дискурсе рассмотреть роль Японии в QUAD в единой аналитической конструкции на протяжении трех фаз эволюции формата. Существующая литература, как правило, ограничивается анализом отдельных аспектов японского участия. Во-вторых, предложена характеристика «стратегического архитекторства» Японии как средней державы, которая фиксирует последовательную смену функций – от концептуального инициатора через стратегического архитектора к соинституционализатору. В-третьих, обоснована взаимодополняемость теоретических интерпретаций QUAD (реализма и конструктивизма), где каждая из которых освещает отдельный уровень японской стратегии. В-четвертых, подробно исследуются русскоязычные, англоязычные и китайскоязычные публикации, что позволяет учесть взгляд на проблему как из стран-участниц формата, так и из Китая и России.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что Япония на протяжении всей эволюции QUAD выступала не рядовым участником, а стратегическим архитектором формата. Устойчивость «Четверки» на каждой фазе определялась способностью Токио переключаться между конкурирующими рамками («тактическое хеджирование») и способностью встраивать Соединенные Штаты в институциональный контекст, что снижает риск американского стратегического отступления из Индо-Тихоокеанского региона. Дополнительная гипотеза уточняет, что именно отказ Японии от открытой антикитайской риторики в пользу нормативно-нейтрального «основанного на правилах порядка» создал пространство консенсуса, что сделало возможным возрождение формата в 2017 году.

Описание материалов и методов

Исследование выполнено в качественной методологической рамке и построено как углубленное кейс-стади роли Японии в Четырехстороннем диалоге по безопасности. Выбор единичного кейса обоснован его теоретической репрезентативностью. Японский случай представляет собой наименее вероятный случай стратегического архитекторства, поскольку конституционные ограничения, историческая память и асимметрия альянса с США, на первый взгляд, должны были исключить лидерскую роль Токио в строительстве региональной архитектуры безопасности.

Историко-генетический метод и периодизация применялись для выделения качественно различных фаз эволюции формата: QUAD 1.0 (2004-2008 годы), период «дремоты» (2008-2012 годы), QUAD 2.0 (2012-2020 годы) и QUAD 3.0 (с 2021 года). Периодизация выстроена по критериям институциональной плотности и содержания повестки.

Метод процессуального отслеживания (process tracing) использовался для реконструкции причинно-следственной цепочки, связывающей японские концептуальные инициативы с институциональными результатами: от программных текстов 2006-2007 годов к заседанию в Маниле, от концепции FOIP 2016 года к возрождению формата в 2017 году, от японских организационных инициатив к саммитам лидеров и рабочим группам QUAD 3.0.

Сравнительный метод применялся в двух измерениях: диахронном – при сопоставлении трех фаз эволюции QUAD между собой, что позволило зафиксировать смену японских функций и инструментов; и синхронном – при сопоставлении QUAD с НАТО по критериям членства, структуры, юридических обязательств и степени бюрократизации, что дало возможность определить специфику минилатеральной институциональной формы и ее преимущества.

Качественный контент-анализ первичных источников составил эмпирическое ядро исследования. Список первичных документов включает программные тексты Синдзо Абэ (книга «На пути к прекрасной стране» 2006 года, речь «Слияние двух морей» 2007 года, статья «Демократический алмаз безопасности Азии» 2012 года), речь министра иностранных дел Таро Асо о «Дуге свободы и процветания» 2006 года, выступление С. Абэ на конференции TICAD VI 2016 года, Белые книги по обороне Японии 2014-2016 годов, Стратегию национальной безопасности и Стратегию национальной обороны Японии 2022 года, а также официальные материалы Министерства обороны Японии и Государственного департамента США.

Источниковую базу вторичной литературы составили научные публикации на английском, русском и китайском языках, включая работы К. Коги, Ц. Вэй, Г. Мохана и К. Говеллы, К. Дворжачковы, Ш. Ду и Я. Лю, Ч. Ба, О.А. Хлопова, Н. Чоудхари, Л. Хуан, Б. Кэннона и Э. Росситера, Ф. Хайдука и К. Вирта, С. Нэги и Л. Ха, что обеспечило учет исследовательских перспектив стран-участниц QUAD, Китая и России.

Результаты

QUAD 1.0 (2004-2008 годы): Япония как концептуальный инициатор
Истоки QUAD принято возводить к декабрю 2004 года, когда разрушительное цунами в Индийском океане потребовало скоординированного отклика от четырех государств – Японии, США, Австралии и Индии – в рамках операции по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации стихийных бедствий [2]. Гуманитарная рамка оказалась стратегически значимой, так как она задала мягкий публичный нарратив для объединения, в котором впоследствии стала просматриваться более широкая геополитическая логика.

Концептуальное оформление идеи произошло в 2006-2007 годах, во время первого срока премьер-министра Синдзо Абэ. В книге 2006 года «На пути к прекрасной стране» С. Абэ обозначил контуры нового стратегического диалога на высоком уровне, который включал бы Азиатско-Тихоокеанскую демократическую группу трех (G3) вместе с США [3, с. 164]. Это видение получило публичное выражение в речи министра иностранных дел Таро Асо в ноябре 2006 года, провозгласившей создание «Дуги свободы и процветания», которая направлена на укрепление демократической коалиции и распространение рыночной экономики в географических районах между Японией и Европой [4]. Токио целенаправленно апеллировал к факту того, что Япония и Индия разделяли демократические ценности и не имели исторического антагонизма. Это создавало прочную основу для сближения.

Кульминацией первой фазы японской стратегии стала речь С. Абэ «Слияние двух морей», произнесенная перед парламентом Индии в августе 2007 года. В ней премьер-министр символически обозначил слияние Тихоокеанского и Индийского океанов, – и через них Японии и Индии, – как основу новой

«расширенной Азии» [5]. Речь не просто закладывала фундамент японо-индийского партнерства, а формулировала нормативную географию нового регионального порядка.

Институциональным воплощением стало первое официальное заседание Четырехстороннего стратегического диалога, состоявшееся 25 мая 2007 года в Маниле на полях Регионального форума АСЕАН. Встрече предшествовали прямые переговоры февраля 2007 года, в ходе которых Синдзо Абэ обсудил концепцию «Четверки» с вице-президентом США Диком Чейни. Первая встреча QUAD была намеренной инициативой японской стороны. В апреле 2007 года Индия и США впервые пригласили военно-морские силы Японии принять участие в ежегодных индийско-американских военно-морских учениях «Малабар». Вместо традиционного места проведения – Индийского океана – учения были проведены в Японском море. Показательно, что это вызвало болезненную реакцию Пекина.

Однако к 2008 году первая фаза QUAD зашла в тупик. Поскольку

Китай выразил обеспокоенность стратегической мотивацией объединения, Австралия и Индия вышли из него. Обеспокоенность Китая и сильный акцент Японии на демократии и правах человека сделали Австралию и Индию менее склонными к консолидации. Внезапная отставка С. Абэ в сентябре 2008 года еще больше ускорила распад QUAD 1.0. Тем не менее провал 2008 года не аннулировал японский вклад, а лишь обнажил системные вызовы. Концептуального лидерства было недостаточно без устойчивой институциональной инфраструктуры и без совпадения интересов партнеров. Эти уроки Токио учитывал при подготовке к возрождению «Четверки». Период «дремоты» не означал немедленного отказа Японии от улучшения дальнейшего стратегического курса.

QUAD 2.0 (2012-2020 годы): Япония как стратегический архитектор возрождения диалога

Возвращение С. Абэ к власти в декабре 2012 года открыло новую, значительно более активную главу японской стратегии. Когда С. Абэ снова стал премьер-министром, он заявил о политическом желании возродить QUAD [2]. Японская дипломатия сделала ставку на нейтральный нормативный язык «основанного на правилах порядка», который апеллировал к универсальным правовым ценностям.

В декабре 2012 года С. Абэ опубликовал статью «Демократический алмаз безопасности Азии», в которой выразил обеспокоенность действиями Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, утверждая, что мир, стабильность и свобода судоходства в Тихом океане неотделимы от мира, стабильности и свободы судоходства в Индийском океане. Премьер-министр Японии выступал за стратегию, в рамках которой Австралия, Индия, Япония и Гавайи образуют алмаз для защиты морского достояния от Индийского океана до западной части Тихого океана [6]. Концепт алмаза был намеренно картографическим.

Принятие Японией концепции Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP), задуманной С. Абэ в 2012 году, ознаменовало начало нового стратегического поворота. FOIP была официально анонсирована С. Абэ на шестой Токийской международной конференции по развитию Африки (TICAD VI) в Кении в августе 2016 года [7]. В своей речи премьер-министр Японии подчеркнул необходимость сохранения Индийского и Тихого океанов в качестве свободных и открытых пространств; необходимость дальнейшего укрепления взаимосвязанности между Азией и Африкой; необходимость верховенства права и рыночной экономики, а также необходимость обеспечения процветания Индо-Тихоокеанского региона [8]. Основная цель FOIP заключалась в создании в Индо-Тихоокеанском регионе «порядка, основанного на правилах». Именно «тактическое хеджирование» стало одним из факторов успешности японской стратегии. В рамках хеджирования государства используют двусмысленные и временные декларативные политические доктрины,

которые позволяют оценить готовность партнеров к сотрудничеству. Япония реализовала такую тактику, подчеркнув в рамках FOIP в 2016 г. значимость существующих международных правил и норм. В результате ей удалось добиться дипломатического сближения с Австралией, Индией и США, что способствовало возрождению «Четверки» в 2017 году [9, с. 111].

Администрация С. Абэ убедила администрацию Д. Трампа принять концепцию FOIP в качестве всеобъемлющей стратегической основы для объединения партнеров, защиты ценностей и интересов США и сдерживания от Китая [10, с. 290]. Так, Япония как младший союзник помогла сформировать стратегическую доктрину США.

Отклонение Китаем в июле 2016 года решения арбитражного суда по Южно-Китайскому морю послужило катализатором для нового «стратегического минилатерализма» в Индо-Тихоокеанском регионе. Белые книги по обороне за 2014-2016 годы были сосредоточены на ситуации в сфере безопасности в регионе, в частности на напряженных отношениях Японии с Китаем и Северной Кореей. В Белой книге по обороне за 2014 год Япония выразила обеспокоенность активностью Китая в Восточно-Китайском море, включая повторяющиеся нарушения японских территориальных вод вблизи островов Сэнкаку [11]. Идентификационная зона противовоздушной обороны КНР в Восточно-Китайском море считалась ограничивающей свободу передвижения в международных водах. В Белых книгах по обороне Японии за 2015 и 2016 годы выражалась обеспокоенность Японии в связи с военным расширением действий Китая, особенно в Южно-Китайском море [12; 13]. В условиях постепенного изменения баланса сил в Восточной Азии, вызванного возвышением Китая,

Япония оказалась перед необходимостью выбора: либо участвовать в формировании нового международного порядка, расширяя стратегический горизонт действий, либо сосредоточиться на национальной безопасности, сужая рамки воздействия на регион. В таких условиях тактическое хеджирование стало для Японии структурно обусловленной необходимостью.

В 2015 году Япония вступила в военно-морские учения «Малабар» в качестве постоянного участника, что существенно укрепила оперативный фундамент. В ноябре 2017 года представители Японии, США, Индии и Австралии, воспользовавшись возможностью, представленной Восточноазиатским саммитом, провели первую за десять лет встречу и опубликовали совместное заявление. Возрожденный формат представлял собой новую попытку при большей согласованности укрепить в Индо-Тихоокеанском регионе «порядок, основанный на правилах». В ноябре 2019 года формат был повышен до уровня министров иностранных дел, что стало важным показателем нарастающей институционализации [14].

QUAD 3.0 (с 2021 года): Япония как соинституционализатор

Инаугурация Байдена в январе 2021 года открыла третью, наиболее интенсивную фазу эволюции QUAD. Формат 3.0 существенно отличался от формата QUAD 2.0. Новая администрация США возвела «Четверку» в ранг приоритетов американской Индо-Тихоокеанской политики. Во многом это произошло и потому, что Токио на протяжении предшествующих десятилетий последовательно создавал необходимые предпосылки. К появлению QUAD 3.0 также привело и ухудшение отношений Китая с Австралией и Индией [2].

Март 2021 года стал продуктивным для QUAD месяцем. Япония, США, Австралия и Индия провели саммит в формате конференции из-за пандемии COVID-19. Саммит показал, что страны-участницы могут сотрудничать в создании свободного, открытого, безопасного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона. Были созданы рабочие группы по вакцинам, климату, новым технологиям, инфраструктуре, киберпространству и космосу [15, с. 5].

QUAD стал позиционировать себя как широкоформатную площадку, выходящую за пределы традиционного измерения безопасности. «Четверка» начала постепенно превращаться в невоенную структуру для завоевания региональной поддержки. Премьер-министры Японии Есихидэ Суга и Фумио Кисида поддерживали администрацию Джо Байдена, желая укрепить существующий международный порядок. Активная японская роль в QUAD 3.0 проявлялась на уровне поддерживаемых инициатив. В сентябре 2021 года Япония провела встречу министров иностранных дел «Четверки», в мае 2022 – саммит лидеров QUAD. В мартовской речи 2023 году, посвященной Новому плану Японии по FOIP, Ф. Кисида отметил важность понимания многообразных взглядов стран Глобального Юга, а также обсудил способы разделения ответственности за глобальное управление и подчеркнул, что Япония не будет навязывать свои ценности. Ключевая цель Японии в QUAD 3.0 осталась прежней – эффективно реагировать на вызовы «порядку, основанному на правилах» [2].

Институциональная эволюция QUAD 3.0 сопровождалась важными изменениями и в японской оборонной политике. Стратегия национальной безопасности и Стратегия национальной обороны 2022 года зафиксировали, что ситуация в области безопасности для Японии является столь же серьезной, какой она была после окончания Второй мировой войны [16; 17]. Япония должна была укрепить свой оборонный потенциал, поэтому было принято решение о постепенном увеличении оборонных расходов с 1% до 2% ВВП к 2027 году. Правительство Санаэ Такаити сократило этот процесс на два года, поэтому достижение целевого показателя в 2% сместилось на 2025 год [1]. По данным Института Лоуи, Япония занимает четвертое место как партнер в области обороны в Индексе влияния в Юго-Восточной Азии [18].

Япония выступает одним из архитекторов невоенной повестки «Четверки». Безопасность в сфере здравоохранения стала одним из приоритетов после пандемии COVID-19, начиная с Партнерства QUAD по вакцинам, которое было запущено в 2021 году с целью предоставления другим странам более широкого выбора вакцин в противовес китайской вакцинной дипломатии. Пакет QUAD по адаптации к изменению климата же направлен на поддержку стран региона в управлении климатическими рисками [19, с. 30]. Расширение повестки Четырехстороннего диалога по безопасности, в частности, акцент на предоставлении общественных благ в ИТР и отсутствие прямых упоминаний китайского вызова, усилило интерес стран по всему миру к взаимодействию с этим объединением [15, с 4].

Таким образом, эволюция «Четверки» представляет собой прохождение через фазы начальных попыток сотрудничества, «дремоты», возрождения и постепенной институционализации. Движущей силой этого процесса была непрерывная координация и сближение общих интересов в области безопасности и восприятия угроз. Япония стремится посредством этого минилатерального механизма осуществлять управление «снизу вверх». Это становится ключевым путем реагирования на конкуренцию великих держав и достижения японской стратегической автономии. Токио использует QUAD как инструмент управления союзническими отношениями, встраивает Вашингтон в институциональный контекст и снижает риск американского стратегического отступления из Индо-Тихоокеанского региона [20, с. 30]. Меньший партнер посредством институциональной логики может программировать поведение большого партнера.

Обсуждение

С точки зрения теории реализма, QUAD является прежде всего ответом Японии на структурный сдвиг регионального баланса. Военные расходы Китая превысили японские в 2001 году, а ВВП – в 2009-2010 годах. Балансирование против Китая стало движущей целью QUAD. Ч. Ба из Института международных исследований Уханьского университета структурирует три причины японского участия в QUAD: во-первых, Китай оспаривает установившийся региональный баланс сил в Восточной Азии; во-вторых, Япония надеется укрепить сотрудничество в области безопасности с соседними странами, снижая чрезмерную зависимость от двустороннего альянса с США; в-третьих, Токио рассматривает территориальные притязания Китая как серьезный вызов для Японии и региональной безопасности, а инициативу «Один пояс, один путь» – как попытку Китая установить контроль над морскими транспортными и энергетическими маршрутами из Азии в Африку, чтобы сдержать Японию [21, с. 18].

Российский доцент кафедры американских исследований РГГУ О. Хлопов с позиции реализма выделяет три ключевых фактора возрождения

QUAD в 2017 году – уравнивание силы и влияния Китая, содействие практическому сотрудничеству и формирование нового регионального порядка [22, с. 21].

Белые книги по обороне 2014-2016 годов последовательно фиксировали нарастающую военную активность Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях как прямую угрозу японским интересам [11; 12; 13]. Стратегия национальной безопасности Японии 2022 года прямо охарактеризовала Китай как «беспрецедентный стратегический вызов» [16, с. 9]. Этот риторический сдвиг произошел именно тогда, когда QUAD достиг лидерского уровня. Ужесточение официального дискурса внутри страны позволяло Японии обосновать наращивание оборонных расходов, тогда как на международной арене японская дипломатия придерживалась нормативно-нейтральной риторики «порядка, основанного на правилах». Это свидетельствует о сознательном разграничении внутренней и внешней стратегий.

Реализм объясняет, почему Япония приступила к созданию и развитию

«Четверки», но не отвечает на вопрос о выборе конкретных инструментов. Почему Токио предпочел нормативно-нейтральную риторику «основанного на правилах порядка» открытой балансирующей логике? Именно здесь на первый план выходит конструктивистская интерпретация. Представительница из Индии Н. Чоудхари утверждает, что QUAD функционирует на основе конструктивистских идеалов, основанных на общей демократической идентичности, нормативных рамках и символических практиках, апеллируя к тезису А. Вендта о том, что анархия – это то, что государства делают из нее [23, с. 501].

Л. Хуан из Китайского университета иностранных дел вводит понятие «нарративного альянса» – объединение различных акторов, которые с помощью общей нарративной структуры формируют союзнические отношения, основанные на общих идеях [24, с. 27]. Тактическое хеджирование же, согласно К. Коге, предстает как инструмент для создания «нарративной инфраструктуры» [9, с. 119]. Переключившись с языка демократических ценностей на нормативно-нейтральный «основанный на правилах порядок», Токио создал новую широкую диалоговую рамку, чтобы к ней смогли присоединиться: Индия, избегающая Запада; Австралия, обеспокоенная рисками конфронтации с Китаем; и США при Д. Трампе, ориентированные на концепцию «Америка прежде всего». Именно нормативный нейтралитет создал консенсус, который позволил «Четверке» встать на ноги во второй раз. Концепция нарративного альянса позволила государствам с расходящимися интересами координироваться вокруг общего символического ядра без принятия юридически обязывающих обязательств. Токио целенаправленно формировал именно такую структуру – вначале через концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»,

затем через лидерскую институционализацию 2021 года. Характерно, что нарративный каркас оказался более устойчивым, чем любое формальное соглашение. QUAD пережил смены правительств в США, Австралии и Индии, сохранив сплоченность.

Китайские исследователи Ш. Ду и Я. Лю указывают, что для Японии QUAD служит механизмом активного управления через встраивание Вашингтона в более широкий институциональный контекст. Управление альянсом «снизу вверх» – это характерная стратегия меньшего партнера, формирующего институциональную среду, в которой более сильный партнер оказывается связан взятыми на себя обязательствами [20, с. 13]. Японская администрация смогла убедить Д. Трампа принять концепцию FOIP, что является в этой перспективе не просто дипломатическим успехом, а реализацией долгосрочной японской стратегии заземления США в ИТР.

«Четверка» позиционирует себя как открытый и инклюзивный форум. Невоенная повестка намеренно дистанцирует QUAD от образа военного альянса (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение НАТО и QUAD

	НАТО	QUAD
Членство	Унитарные государства	Унитарные государства
Структура	Централизованная / иерархическая	Децентрализованная / плоская
Политическая видимость	Высокая	Средняя
Юридически закрепленные обязательства	Присутствуют	Отсутствуют
Отношения между участниками	Основаны на договоре	Основаны на доверии
Сфера деятельности	Сфокусированная и фиксированная	Неоднозначная и гибкая
Бюрократия	Высокоразвитая	Минимальная

Однако Пекин воспринимает «Четверку» как стратегическую угрозу. Министр иностранных дел Ван И назвал QUAD пеной в океане, которая обречена раствориться. Специалисты по международной безопасности Университета Халифа Б. Кэннон и Э. Росситер указывают, что QUAD возник из-за Китая, который стал общей проблемой в области безопасности [25, с 3].

Ц. Вэй из Центра американских исследований Фуданьского университета указывает, что «Четверка» является основой Индо-Тихоокеанской стратегии США, которая направлена на создание азиатского НАТО [10, с. 297]. Пекин учитывает QUAD как стратегическую переменную при политическом планировании. «Четверка» же остается достаточно бесформенной, чтобы не провоцировать прямую эскалацию в Индо-Тихоокеанском регионе, но влияет на реакцию Китая. Для Японии,

чья конституция ограничивает применение военной силы, такая модель стратегического давления является оптимальной. Она позволяет добиваться нужного эффекта через институциональное присутствие и координацию, избегая открытой конфронтации в регионе.

QUAD является не столько инструментом сдерживания, сколько механизмом управления неопределенностью. Формат позволяет государствам-участникам реагировать на возникающие угрозы, не имея при этом строгой системы взаимных обязательств. Б. Кэннон и Э. Росситер добавляют, что в этой интерпретации слабость QUAD – отсутствие обязывающих договоров – оказывается и его силой. Именно институциональная бесформенность и отсутствие жестких рамок позволяет диалогу сохранять сплоченность, избегая вопросов, где интересы участников расходятся [25, с. 3]. Япония руководствовалась этой логикой во времена QUAD 1.0, когда намеренная незавершенность институциональной архитектуры давала Токио пространство для маневра и снижала некоторые издержки партнерства.

Особое место в трансформации QUAD занимает период после 2020 года. Ч. Ба подчеркивает, что именно во времена пандемии COVID-19 рабочая повестка

«Четверки» расширилась в сторону развития здравоохранения, разработки вакцин, изменения климата, разработки новых технологий [21, с. 21]. Этот сдвиг не был случайным. Он отражал последовательную японскую стратегию институционального углубления QUAD через наращивание невоенного функционала. Расширение повестки снижало восприятие QUAD как исключительно антикитайской коалиции и создавало новые точки соприкосновения для государств, избегающих открытой конфронтации.

Эксперт из Наньянского технологического университета К. Кога указывает, что саммит лидеров 2021 года зафиксировал переход от диалога о безопасности к повестке с конкретными рабочими программами – по здравоохранению, климату, новейшим технологиям, киберпространству, космосу, инфраструктуре и морской безопасности [2]. QUAD получил ту многоуровневую структуру, в которой встречи на высшем уровне задают нормативный тон, а отраслевые рабочие группы обеспечивают реализацию на практическом уровне. Подобная архитектура снижает зависимость формата от политической конъюнктуры и повышает его устойчивость к внешним потрясениям, что является одним из ключевых признаков институциональной зрелости.

С. Нэги и Л. Ха из токийского Международного христианского университета констатируют, что именно позиция надежного и пользующегося доверием партнера как в АСЕАН, так и в QUAD делает Японию подходящей для роли моста между двумя институтами [27, с. 127]. Однако поддержание этого двойного доверия требует тонкого балансирования. Такое обстоятельство делает японскую роль медиатора структурно незаменимой для долгосрочной жизнеспособности

«Четверки». К. Дворжачкова фиксирует, что государства Юго-Восточной Азии опасаются быть втянутыми в соперничество крупных держав [19, с. 59]. Если деятельность QUAD будет восприниматься как подрыв структуры АСЕАН или как провокация усиления региональной напряженности, эффективность и признание QUAD могут быть серьезно ограничены.

«Четверка» сочетает в себе черты балансирующей коалиции против Китая и инклюзивного механизма регионального управления. Эта двойственность создает стратегическую неопределенность, которая выгодна Японии. Токио может представлять QUAD либо как инструмент противодействия усилению Китая, либо как площадку для сотрудничества, не связанную с конфронтационной логикой. Способность поддерживать такую гибкость свидетельствует о продуманности выбранной модели.

Перспективы дальнейшей эволюции QUAD неоднозначны. Индекс азиатской мощи Института Лоуи за 2025 год фиксирует, что вес Японии в регионе продолжает расти на фоне относительного снижения доминирования США [18]. Это меняет внутреннюю балансировку сил внутри «Четверки». Япония все меньше выступает «младшим партнером», берущим на себя нормативно-организационную нагрузку, и все больше – полноправным стратегическим игроком с самостоятельной военной и дипломатической повесткой. Вопрос о том, сохранит ли тактическое хеджирование свою эффективность в условиях нарастающей институционализации и роста оборонных расходов Японии, остается открытым.

«Четверка» предстает одновременно формально инклюзивной и функционально балансирующей структурой. Важно учитывать ограничения, с которыми сталкивается QUAD как институциональный формат. Аналитики из берлинского Фонда науки и политики Ф. Хайдук и К. Вирт подчеркивают, что QUAD является скорее симптомом системной нестабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, нежели способом решения проблем [26, с. 5]. Участники QUAD не имеют единой позиции по отношению к Китаю. Индия сохраняет экономическую взаимозависимость с Пекином, Австралия и Япония – торговую, а США действуют в логике стратегической конкуренции. Одной из проблем

«Четверки» является ограниченная способность к скоординированным действиям в кризисных ситуациях.

Так, результаты анализа японской роли в QUAD поддаются интерпретации через призму нескольких теоретических взглядов, каждый из которых освещает отдельные аспекты японской стратегии.

Японская модель показывает, что долгосрочная жизнеспособность минилатерального объединения обеспечивается не через нарастание обязательств, а через управление нарративом и гибкость концептуальных рамок. Минилатеральные форматы нередко оказываются более эффективными инструментами формирования новых норм, чем универсальные многосторонние площадки. Концепция FOIP, первоначально

продвигавшаяся Токио в рамках двусторонних переговоров, через механизм «Четверки» стала опорной точкой для большинства региональных документов по безопасности. Именно Япония использовала тактическое хеджирование в качестве сигнала о готовности к формированию коалиции. Впоследствии схожий подход был применен и при создании AUKUS. Япония может рассматриваться в качестве эффективного примера того, как средняя держава эффективно создала небольшую коалицию в условиях, когда традиционные альянсы не обеспечивают необходимой адаптивности.

Заключение

На трех этапах развития QUAD Япония выступала не просто как один из участников диалога, а как один из главных разработчиков стратегического видения регионального порядка. Ее вклад проявился не только в поддержке инициативы, но и в последующей институционализации и закреплении в архитектуре Индо-Тихоокеанского региона. Японию можно рассматривать как государство, которое сыграло ведущую роль в становлении QUAD и превратило диалог в устойчивый формат многостороннего взаимодействия.

На первом этапе развития – QUAD 1.0 (2004-2008 гг.) – Токио фактически задал концептуальные рамки будущего минилатерального формата. Такие японские внешнеполитические идеи как «Дуга свободы и процветания»,

«Слияние двух морей», «Демократический алмаз безопасности Азии» и концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона сформировали тот фундамент, на который позднее опиралась «Четверка».

На втором этапе развития – QUAD 2.0 (2012-2020 гг.) – роль Токио изменилась. Во время этого периода Япония старалась последовательно формировать новую стратегическую рамку для восстановления и укрепления

«Четверки». Одним из ключевых инструментов японского подхода стало «стратегическое хеджирование» – гибкое управление политическим нарративом через переход между разными нормативными рамками. Вместо открытой антикитайской риторики Токио сделал акцент на более нейтральном «порядке, основанном на правилах». Такая формулировка позволила вернуть Австралию в формат, удержать Индию в рамках сотрудничества и убедить администрацию Д. Трампа принять концепцию FOIP. Тактическое хеджирование стало для Японии гибким способом координации с Австралией, Индией и США, что в итоге способствовало возрождению QUAD в 2017 г.

На третьем этапе развития QUAD, который можно обозначить как QUAD

3.0 (с 2021 г.), Токио продвигает дальнейшую институционализацию формата. Япония поддержала переход взаимодействия на уровень лидеров, создание шести рабочих групп и расширение повестки за пределы военно-стратегических вопросов.

Вместе с тем перед диалогом сохраняется ряд серьезных ограничений. Стремление Австралии и Индии сохранить стратегическую автономию затрудняет совместную выработку согласованных ответов на региональные вызовы. Осторожная позиция АСЕАН, в свою очередь, сужает возможность для более широкого институционального охвата. Дополнительным фактором неопределенности выступает усиливающаяся конкуренция с Китаем, которая повышает стратегические риски. Япония как одна из ключевых участниц формата старается таких рисков избежать.

Несмотря на эти трудности, общая динамика развития QUAD 3.0 останется стабильной и в будущем. Формат, вероятно, будет и дальше расширять сотрудничество в сфере технологий, климата и инфраструктуры. В этих условиях Япония постарается сохранить роль посредника между американской стратегической линией и интересами более широкого круга государств Индо-Тихоокеанского региона.

Японский пример заставляет пересмотреть привычное разделение, при котором лишь «великие державы» рассматриваются как архитекторы, а «средние державы» – как пассивные элементы системы международных отношений. Даже государство, ограниченное конституционными рамками, может влиять на развитие формата по безопасности.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ японской модели «архитекторства» со схожими стратегиями других средних держав. В будущем это позволит определить, при каких обстоятельствах и за счет каких инструментов другие средние державы способны адаптироваться к сложившейся архитектуре безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Yamazaki M. Japan's new premier pledges early boost to defence spending, 'proactive' fiscal policy. – Reuters. – 2025. – <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japans-new-premier-pledges-early-boost-defence-spending-proactive-fiscal-moves-2025-10-24/>

[2] Koga K. Japan's role in the Quad: Clarifying the institutional division of labor in a free and open Indo-Pacific // The National Bureau of Asian Research. – 2023. – <https://www.nbr.org/publication/japans-role-in-the-quad-clarifying-the-institutional-division-of-labor-in-a-free-and-open-indo-pacific/>

[3] Abe S. Toward a beautiful country. – Tokyo: Bungei Shunjū, 2006. – 232 p.

[4] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar “Arc of Freedom and Prosperity: Japan's Expanding Diplomatic Horizons”. – 2006. – <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0611.html>

[5] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Confluence of the two seas: Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan, at the Parliament of the Republic of India. – 2007. – <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>

[6] Abe S. Asia's democratic security diamond // Project Syndicate. – 2012. – <https://www.project-syndicate.org/magazine/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe>

[7] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Diplomatic Bluebook 2023. – 2023. – https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2023/en_html/index.html

[8] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Address by Prime Minister Shinzo Abe at the opening session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). – 2016. – https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html

[9] Koga K. Tactical hedging as coalition-building signal: The evolution of Quad and AUKUS in the Indo-Pacific // British Journal of Politics and International Relations. – 2025. – Vol. 27, № 1. – P. 109-134. – <https://doi.org/10.1177/13691481241235879>

[10] Wei Z. The evolution of the 'QUAD': Driving forces, impacts, and prospects // China International Strategy Review. – 2022. – Vol. 4, № 2. – P. 288–304. – <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-022-00119-w>

[11] Ministry of Defense of Japan. Defense of Japan 2014. – 2014. – https://warp.ndl.go.jp/web/20201211185950/www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2014.html

[12] Ministry of Defense of Japan. Defense of Japan 2015. – 2015. – https://warp.ndl.go.jp/web/20201201132735/www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2015.html

[13] Ministry of Defense of Japan. Defense of Japan 2016. – 2016. – https://warp.ndl.go.jp/web/20201214000000/www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2016.html

[14] U.S. Department of State. Readout of U.S.-Australia-India-Japan Ministerial (“The Quad”). – 2019. – <https://2017-2021.state.gov/readout-of-u-s-australia-india-japan-ministerial-the-quad/>

[15] Mohan G., Govella K. The future of the Quad and the emerging architecture in the Indo-Pacific // GMF Policy Paper. – Washington: German Marshall Fund of the United States, 2022. – <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4311301>

[16] Government of Japan. National Security Strategy of Japan. – 2022. – <https://www.cas.go.jp/jp/siryu/221216anzenhoshou/nss-e.pdf>

[17] Ministry of Defense of Japan. National Defense Strategy. – 2022. – https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf

[18] Lowy Institute. Asia Power Index: 2025 edition. – 2025. – <https://power.lowyinstitute.org/>

[19] Dvořáčková K. The role of the Quadrilateral Security Dialogue in building the security architecture in Southeast Asia. – Prague: Prague University of Economics and Business, 2025. – https://vskp.vse.cz/english/98289_the-role-of-the-quadrilateral-security-dialogue-in-building-the-security-architecture-in-southeast-asia??page=69

[20] Ду Шаошу, Люй Яодун. Стратегическая логика японской «малой многосторонней дипломатии» с точки зрения управления союзами: на примере американо-японо-индийско-австралийского «Четырехстороннего диалога по безопасности» // Журнал исследований Северо-Восточной Азии. – 2026. – № 2 (85). – С. 13–33. – <https://doi.org/10.19498/j.cnki>

dbyxk.2026.02.002. (杜绍殊, 吕耀东. 同盟管理视角下日本“小多边外交”的战略逻辑——以美日印澳“四方安全对话”为例 // 东北亚学刊. – 2026. –第2期. – 第13 - 33页.)

[21] Ba C. The revival of the Quadrilateral Security Dialogue: Causes and characteristics // Journal of Research in Social Science and Humanities. – 2023. – Vol. 2, № 3. – P. 16-23. – <https://www.pioneerpublisher.com/jrssh/article/view/153>

[22] Хлопов О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. – 2024. – № 3. – С. 20-32. – <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-3-20-32>

[23] Chowdhary A. Constructing a rules-based Indo-Pacific: A constructivist analysis of the Quad's normative and strategic role // Electronic Journal of Social and Strategic Studies. – 2026. – Vol. 6, № 3. – P. 501-520. – <https://doi.org/10.47362/EJSSS.2026.6308>

[24] Хуан Линь. Исследование формирования и расширения нарративного альянса и механизма «Четырехстороннего диалога по безопасности». – Пекин: Китайский университет иностранных дел, 2025. – 10.27373/d.cnki.gwjxc.2025.000066. (黄琳. 叙事联盟与“四方安全对话”机制的形成与扩展研究. – 北京: 外交学院, 2025.)

[25] Cannon B., Rossiter A. Locating the Quad: Informality, institutional flexibility and future alignment in the Indo-Pacific // International Politics. – 2022. – Vol. 59. – P. 1-20. – <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00383-y>

[26] Heiduk F., Wirth C. The Quadrilateral Security Dialogue between Australia, India, Japan and the United States: More symptom than solution to the problem of growing instability in the Indo-Pacific // SWP Comment. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2023. – № 31. – <https://doi.org/10.18449/2023C31>

[27] Nagy S., Ha L. Indo-Pacific connector? Japan's role in bridging ASEAN and the Quad // The Journal of East Asian Affairs. – 2024. – Vol. 37, № 1. – P. 128-160. – https://www.researchgate.net/publication/385510920_Indo-Pacific_Connector_Japan's_Role_in_Bridging_ASEAN_and_the_Quad

ЖАПОНИЯНЫҢ QUAD-ТАҒЫ РӨЛІ: БАСТАМАШЫДАН СӘУЛЕТШІГЕ ДЕЙІН

*Абизова М.И.¹

*¹ Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада 2004 жылдан бастап Қауіпсіздік жөніндегі төртжақты диалогтың (QUAD) құрылуы мен эволюциясындағы Жапонияның рөлі талданады. АҚШ пен Қытай арасындағы бәсекелестіктің күшеюі жағдайында QUAD Үнді-Тынық мұхиты аймағындағы негізгі минилатералдық форматтардың біріне айналды. Қолданыстағы зерттеулердің көпшілігінде Жапония бұл бірлестіктің төрт қатысушысының бірі ретінде ғана қарастырылады, ал формат эволюциясының барлық

кезеңдеріндегі жапондық стратегиялық көшбасшылықты жүйелі талдау әлі толық аяқталмаған.

Зерттеудің мақсаты – QUAD дамуының үш кезеңінің (1.0, 2.0, 3.0) әрқайсысындағы Жапонияның рөлін реконструкциялау және Жапонияны аймақтық тәртіптің стратегиялық сәулетшісі ретінде сипаттауды негіздеу.

Зерттеудің ғылыми маңыздылығы орта державалардың аймақтық қауіпсіздік институттарын қалыптастырудағы мүмкіндіктері туралы түсініктерді нақтылаумен байланысты. Практикалық маңыздылығы алынған қорытындылардың ұлы және орта державалардың Үнді-Тынық мұхиты стратегияларын талдауға, сондай-ақ минилатералдық форматтардың дамуын болжауға қолданылуымен айқындалады.

Зерттеудің әдіснамалық негізін кейс-стади, тарихи-генетикалық әдіс және кезеңдеу, процессуалдық қадағалау әдісі (process tracing), салыстырмалы талдау және бастапқы дереккөздердің контент-талдауы құрайды.

Негізгі нәтижелер Жапонияның QUAD шеңберінде сапалық жағынан әртүрлі, бірақ өзара байланысты функцияларды дәйекті түрде атқарғанын көрсетеді: тұжырымдамалық бастамашы (2004-2008 жылдар), «тактикалық хеджирлеу» құралын пайдаланған стратегиялық сәулетші (2012-2020 жылдар) және кеңейтілген әскери емес күн тәртібін бірлесіп институттандырушы (2021 жылдан бастап).

Жүргізілген зерттеудің құндылығы реализм мен конструктивизм сияқты теориялық шеңберлерді синтездеуде, сондай-ақ соңғы ағылшын, орыс және қытай тілдеріндегі жарияланымдарды талдауда көрініс табады.

Жұмыс нәтижелерінің практикалық маңызы оларды Үнді-Тынық мұхиты аймағының қауіпсіздік мәселелері және орта державалардың стратегиялары бойынша аналитикалық және білім беру материалдарын дайындауда қолдану мүмкіндігімен анықталады.

Тірек сөздер: Жапония, QUAD, Үнді-Тынық мұхиты аймағы, FOIP, тактикалық хеджирлеу, минилатерализм, аймақтық тәртіп, АҚШ, Қытай

JAPAN'S ROLE IN THE QUAD: FROM INITIATOR TO ARCHITECT

* Abizova M.I.¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article analyzes Japan's role in the creation and evolution of the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) since 2004. Amid the intensification of U.S.–China rivalry, the QUAD has become one of the central minilateral formats in the Indo-Pacific region. In most existing studies, Japan is considered merely as one of the four participants in the grouping, while a systematic analysis of Japan's strategic leadership throughout all phases of the format's evolution remains incomplete.

The aim of the study is to reconstruct Japan's role in each of the three phases

of the QUAD's development (1.0, 2.0, 3.0) and to substantiate the characterization of Japan as a strategic architect of the regional order.

The scientific significance of the study lies in clarifying the understanding of the capacities of middle powers in shaping regional security institutions. Its practical significance is related to the applicability of the findings to the analysis of Indo-Pacific strategies pursued by great and middle powers, as well as to forecasting the development of minilateral formats.

The methodological framework of the study includes case study analysis, the historical-genetic method and periodization, process tracing, comparative analysis, and content analysis of primary sources.

The main findings show that Japan has consistently performed qualitatively different yet interrelated functions within the QUAD: that of a conceptual initiator (2004-2008), a strategic architect using the instrument of “tactical hedging” (2012-2020), and a co-institutionalizer of an expanded non-military agenda (since 2021).

The value of the study lies in its synthesis of theoretical frameworks – realism and constructivism – as well as in its analysis of recent English-, Russian-, and Chinese-language publications.

The practical relevance of the study's findings is determined by their potential use in preparing analytical and educational materials on security issues in the Indo-Pacific region and on the strategies of middle powers.

Keywords: Japan, QUAD, Indo-Pacific region, FOIP, tactical hedging, minilateralism, regional order, United States, China

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 15.05.2026.

Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 26.06.2026

Информация об авторах:

Абизова Марьям Исмаиловна – докторант кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3225-6387>, e-mail: a.maryam.4444@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Абизова Марьям Исмаиловна – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3225-6387>, e-mail: a.maryam.4444@gmail.com

Information about the authors:

Maryam Ismailovna Abizova – PhD Candidate of the Department of International Relations and World Economy of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3225-6387>, e-mail: a.maryam.4444@gmail.com